Ани Еганян

Кто-то должен доесть небо

Философский роман

Ани Еганян

Кто-то должен доесть небо

«Автор»
2026

Еганян А.

Кто-то должен доесть небо / А. Еганян — «Автор», 2026

Что, если однажды вы узнаете, что целая Вселенная помещается в обычной груше?Когда Вера разрезала спелый плод, из него вытекло море.Там, где должна была быть мякоть, существовал мир. С городами, памятью, страхами, любовью и людьми, которые никогда не подозревали, что их небо может закончиться у кого-то на кухонном столе.Для них Вера — существо, способное одним движением изменить ход истории. Для неё они — невозможное открытие, которое постепенно превращается в тяжёлую ответственность.Но кто дал ей право решать чужие судьбы? Всегда ли спасение является добром? И что останется от человеческой веры, если однажды выяснится, что за небесами нет ни высшей мудрости, ни справедливого замысла?«Кто-то должен доесть небо» — философский роман о свободе, цене сострадания, границах власти и мучительном праве человека искать смысл там, где никто не обещал ответа.История, после которой обычные вещи уже не кажутся такими простыми.

© Еганян А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 Соль 6
2 Западный берег 8
3 Первое блюдце 10
4 Люди на краю 13
5 Холодильник 15
6 Пять зим 17
7 Слова для тёплой воды 19
8 Имя над морем 21
9 Дочь 23
10 Чёрный рукав 26
11 Право остановить руку 28
12 Сад 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Ани Еганян
Кто-то должен доесть небо

Ани Еганян
Кто-то должен

доесть небо
Роман

1 Соль

Когда Вера разрезала грушу, из неё вытекло море.

Первая струйка попала на хлеб. Вера отодвинула хлеб к краю стола и подставила под плод ладонь. Груша была крупная, с бурым бочком и коротким черенком, возле которого обычно собирались осы. Осы в это утро не прилетели. Позже Вера много раз вспоминала их отсутствие, словно насекомые обязаны были её предупредить.

Вода стекала между пальцами. Она попробовала её кончиком языка.

Солёная.

— Боря, — позвала Вера.

Ответил радиоприёмник на холодильнике. Там рассказывали о ремонте дороги к перевалу. Дорогу ремонтировали третий год; по голосу диктора можно было понять, что теперь она почти готова, хотя вчера Борис вернулся с пробитым колесом.

Вера поставила обе половинки на блюдо. Из левой торчало семечко. Правая продолжала течь.

Плод лежал разрезом вверх. На ровной влажной поверхности медленно обозначался тёмный узор. Вера наклонилась, решив, что это сердцевинная гниль, которую она пропустила при сборе. Узор разошёлся на тонкие линии. Между линиями двигалось что-то белое.

Она сняла очки, протёрла их краем рубашки и снова надела.

Теперь был виден причал.

Он начинался у семечка и уходил в глубину, которой там не могло быть. Вера видела столешницу, край фарфорового блюда, чайную ложку с потемневшей ручкой. Между этими знакомыми вещами помещалась гавань. Вода в ней была зеленее той, что вытекала на стол. У стенки стояли три корабля с узкими серыми парусами. Четвёртый лежал на боку. Над ним двигалась чёрная пыль.

Вера выпрямилась так резко, что ударилась затылком об открытую дверцу шкафчика.

Боль была хорошая, точная. Она прижала ладонь к голове и постояла, глядя на синюю клеёнку. Приёмник всё ещё говорил о дороге. У кромки блюда растекалась лужа.

В ней что-то дёрнулось.

Кораблик был не больше рисового зерна. Один конец обломан, на другом торчала мачта. Возле мачты шевелилась светлая точка. Вера поднесла блюдо к окну, и точка подняла обе руки.

Она поставила блюдо обратно.

Сначала Вера выключила радио. Потом закрыла шкафчик. Ей почему-то показалось необходимым закрыть все шкафчики на кухне. Из коридора дуло; она притворила дверь и вернулась к столу.

Нож лежал лезвием к ней. На металле осталась полоска мякоти. По ней бежали маленькие чёрные фигурки.

Вера взяла нож за ручку и поднесла к блюду. Фигурки остановились. Некоторые упали. Она испугалась своего дыхания, задержала его и принялась искать, куда положить нож так, чтобы люди могли сойти. Привычная мысль — сполоснуть лезвие — ещё не успела исчезнуть из головы. Вера подумала её совершенно отчётливо. Потом её затошнило.

Она принесла из ванной зеркало, подложила под него два полотенца и устроила мостик от ножа к краю плода. Руки дрожали. Между зеркалом и грушей оставалась щель толщиной с волос; для тех, кто стоял на лезвии, это было ущелье. Вера подцепила чайной ложкой каплю воды и положила между краями. Капля округлилась, прилипла к стеклу. Один человек подошёл к ней и отпрянул.

— Я не знаю, — сказала Вера.

Голос прозвучал слишком громко.

Она отодвинула стул и села подальше. Нужно было кому-нибудь позвонить. Дочери, наверное. Но Ася была на работе и отвечала коротко, если Вера звонила до обеда. Позвонить Борису — он станет искать газовую утечку, а потом вызовет Зою. Зоя работала медсестрой и за долгие годы научилась при первом взгляде различать, к кому следует обращаться: к человеку или сразу к врачу.

Вера смотрела на кораблик. Он перестал двигаться. Светлая точка возле мачты лежала. Можно было решить, что это отблеск, если бы она не видела рук.

На подоконнике стояла лупа, которой Вера разглядывала щитовку. Она взяла её. В выпуклом стекле шлюпка стала деревянной: появились доски, обрывок каната, очень маленькая тёмная ступня. Человек лежал лицом вниз. Второй, которого Вера прежде не заметила, держал его за пояс и пытался перевернуть.

Она подняла ложку.

Второй человек оттолкнул её ногой.

Разумеется, она не почувствовала толчка. Но увидела его. Резкое движение, бессильное и вполне понятное. Так отталкивают руку, полезшую к раненому без спроса.

Вера положила ложку на стол.

Вошёл Борис. На рубашке у него расплылось мокрое пятно: он опять носил воду в дырявом ведре, хотя хорошее стояло в сарае. В руках держал ремень от насоса.

— Ну, что там у тебя?

Она указала на блюдо.

Борис долго смотрел. Сначала без очков. Потом достал их из нагрудного кармана, сел на её стул и нагнулся так близко, что Вера схватила его за плечо.

— Не дыши на них.

Он послушно отвернулся и выдохнул в сторону двери.

Снаружи стукнула упавшая груша.

Борис и Вера посмотрели в окно. Под деревом лежала жёлтая падалица. Вера утром собиралась скосить траву между рядами. Косилка была заправлена, шнур уже вытянут из сарая.

— Это, — начал Борис и замолчал.

На ноже кто-то побежал. Вера видела бегущего только как прерывистую чёрточку, но он добрался до острия и прыгнул. Тело описало крошечную дугу и исчезло в щели.

Борис отодвинул ремень подальше от стола.

— Полотенца нужны, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы не тряслось.

Он сложил старое вафельное полотенце вчетверо, подсунул под блюдо и убрал пальцы очень медленно, словно вытаскивал их из чужой раны.

2 Западный берег

В тот день Лиор собирался починить лестницу.

Сэна напоминала о ней с весны. Нижняя ступень прогнила, средняя шаталась, и Ина научилась перепрыгивать сразу через две, что приводило мать в ярость. В мастерской лежала подходящая доска. Лиор даже отпилил её по размеру, но потом понадобилось срочно менять шестерню в подъёмнике водокачки, и доска осталась под верстаком.

Утром Ина спустилась босиком, держа обе сандалии в руках.

— Не прыгай, — сказал Лиор.

— А ты сделай.

Сэна засмеялась на кухне. Он посмотрел на дочь, уже готовый рассердиться, но она стояла совершенно серьёзная. На правой щеке у неё отпечаталась складка подушки.

Он обещал вернуться к полудню.

У причала задержали груз. Прибывший из Верхних земель уголь оказался мокрым, весы показывали лишнее, и капитан требовал пересчитать мешки. Лиор отвечал за ремонт весового механизма и понимал, что капитану выгодно обвинить прибор. Он положил на чашу гири, предъявил отметку поверки, дождался свидетелей. К полудню не успел. Решил: починит лестницу вечером, без ужина, раз уж так вышло.

Когда он возвращался через рыбный рынок, в небе появилась полоса.

Тонкая, белая, невероятно прямая. Рыбачки подняли головы. Одна продолжала чистить рыбу; чешуя прилипла к её запястью и ярко блестела. Лиор видел эту чешую дольше всего. Даже потом, когда хотел вспомнить небо, первым вспоминалось рыбье серебро на красной женской руке.

Полоса прошла от гор к морю.

Она не вспыхивала и не двигалась, как молния. Она оставалась.

Лиор сделал шаг. Под ногой шевельнулась брусчатка. Звон колокола начался обыкновенно, но второй удар растянулся в низкий гул; башня над портовой часовней наклонилась, словно прислушивалась к земле.

Потом западная часть города поднялась.

Дома, улица, водокачка, площадь с фонтаном — всё разом, в строгом порядке, с сохранением расстояний. Поднялось море за молом. На мгновение Лиор увидел корабли снизу, сквозь зеленоватую толщу воды. По наклоняющемуся рынку покатились яблоки. Женщина у прилавка с рыбой не выпустила нож.

Он побежал к дому.

И почти сразу упёрся в воздух.

Там, где должен был быть переулок, начинался обрыв. Сквозь него не было видно ни земли, ни моря. За обрывом открывалось светлое пространство, в котором висели громадные синие цветы, одинаковые, плоские и без стеблей. По одному из цветов медленно ползла прозрачная стена.

На другой стороне, на поднявшейся улице, стояла Сэна.

Он не знал, действительно ли видел её. Позже от него требовали точности, и он говорил: женщина в зелёном платье. У Сэны было зелёное платье. На таком расстоянии он не мог различить лица.

Женщина тянула кого-то вверх по лестнице.

Нижняя ступень оторвалась.

Лиор лёг на живот у обрыва и закричал. Сэна не повернулась. Если это была она, то не услышала. Её часть города уже уходила в сторону, поднимаясь к ослепительному прямоугольнику.

Кто-то схватил Лиора за обе лодыжки.

— Ползи назад!

Он ударил ногой. Человек ругнулся и потащил сильнее. Лиор цеплялся за брусчатку; ноготь на среднем пальце лопнул, оставив на камне короткую красную полоску.

Когда его оттащили, площадь исчезла.

Море покатилось в разрыв. Оно уходило целой стеной, и корабли на мгновение стали вертикальными. По пустеющему дну бились рыбы. Лиор смотрел на камень, в который вдавливал ногти, и знал только одно: там, на другой стороне, он оставил доску. Она лежала под верстаком, уже отпиленная.

Его спасла Тала, хозяйка буксира. У неё был сломан нос, и кровь стекала в рот. Она выплюнула её на мостовую, выругалась ещё раз и ударила Лиора по щеке.

— Домой потом. Сейчас дети под завалом.

Он поднялся, потому что она держала его за ворот. Его повели к рыбному ряду. Там кричал мальчик. Не Ина. Мальчик. Лиору показалось это обидным и чудовищным: ребёнок был чужой, но ему всё равно предстояло разбирать камни.

Они работали до темноты.

К вечеру западная часть города вернулась. Не вся. Море хлынуло обратно, смыло временный лагерь на набережной и оставило на крыше рыбного ряда обломок белой мачты. Улица, на которой жил Лиор, легла в трёх кварталах от прежнего места. Дома не было. Соседний дом лежал боком, и из его окна росла груша, которой никто прежде не видел.

Лиор пошёл к тому месту, где у них находилась кухня. На камне стояла чашка. Он узнал отколотую ручку и присел рядом.

Кто-то огромный заслонил небо.

Лиор поднял голову. Сначала он решил, что над морем взошла другая луна. Потом на ней открылся глаз.

Он был влажный, серый, с тёмным кружком посередине. Вокруг кружка лежали светлые нити. Лиор мог различить каждую. Глаз перемещался над разрушенным городом, останавливался, шёл дальше. Он рассматривал их.

Лиор взял чашку за остаток ручки и бросил вверх.

Чашка упала рядом, разбилась. Глаз отодвинулся.

На небе появились две тёмные щели. Из них раздался звук, низкий и растянутый. Земля под ногами Лиора дрожала. Люди закрывали уши. Звук не имел конца. Он проходил через зубы, через кости лица; в нём было несколько повторяющихся толчков, словно огромный механизм безуспешно пытался запуститься.

Лиор стоял среди черепков и слушал, как разговаривает существо, уничтожившее его дом.

3 Первое блюдце

К вечеру Вера перестала произносить слово «кажется».

Она позвонила Зое и попросила привезти физиологический раствор, большой шприц без иглы и чистые пипетки. Зоя спросила, кого поранили. Вера ответила, что пока не знает. После этого сестра приехала очень быстро.

Борис встретил её у калитки. Он успел разбить небольшую палатку над пятнадцатью грушами, лежавшими под деревом, и теперь смотрел под ноги даже на гравийной дорожке. Зоя выслушала его, пощупала лоб и потребовала показать кухню.

Потом они все трое долго молчали.

Вера помнила это молчание. Оно оказалось легче всех слов, которые появились позже. В нём ещё можно было сидеть рядом с другими людьми, не доказывая им ни реальности происходящего, ни своего права испугаться.

Зоя сняла часы. Положила их на подоконник, подвинула к столу табурет.

— Что уже делали?

Вера рассказала про воду. Про нож. Про полотенце под блюдом.

— Солёность мерила?

— Как?

— Не знаю. Спрашиваю.

Зоя наклонилась над шлюпкой. Человек возле мачты ещё двигался. Того, которого он вытаскивал, уже не было видно: лодку наполовину залило. Сестра взяла пипетку и остановила её над водой, не касаясь поверхности.

— Смотри, что он делает.

Он опять поднял руки.

— Значит, видит.

— А если это не руки? — спросил Борис.

Вера посмотрела на него. Он потёр лицо обеими ладонями.

— Ладно, — сказал он. — Руки.

Капля раствора повисла на конце пипетки. Выглядела она маленькой. Вера вдруг ясно увидела, какой громадной она должна казаться человеку в лодке.

— Не надо.

Зоя отвела пипетку. Капля упала на полотенце и мгновенно впиталась.

Борис принёс тонкую щепку. Подпилил один конец наждачной бумагой, примотал к ручке ложки и осторожно опустил к кораблику. Щепка стала пирсом. Человек ухватился за неё. Второй тоже оказался жив: его рука зацепилась за канат, и первый, обернувшись, начал тянуть.

Зоя села на пол.

— Мне минуту, — сказала она.

Борис держал ложку. Вера подставила под его локоть книги: сначала садовый справочник, потом старый атлас, который Ася когда-то оставила в доме. Книги не доставали до руки. Пришлось добавить альбом с фотографиями.

Оба человека выбрались на щепку. Первый подполз ко второму и стал что-то делать у его лица. Борис сощурился.

— Дышит за него, — сказала Зоя с пола.

— Ты откуда видишь?

— А что ещё ему делать?

Чтобы вернуть их в плод, пришлось соединить щепку с крошечным выступом у разреза. Вера впервые поняла, что держит в руках предмет, с которым не умеет обращаться. Она знала о грушах почти всё, что было нужно её работе: как зарубцовывается камбий, почему темнеет

мякоть, в какое время прививочный нож должен быть особенно острым. Теперь эти знания мешали. Она смотрела на побуревший край и думала об окислении, а там стояли люди. Их улицы полого уходили к морю, которого по законам её опыта вообще не существовало.

Кораблики в луже постепенно затихли. Одни успели причалить к щепке. Другие Вера не смогла найти. Она перенесла остаток воды в прозрачную крышку от сахарницы. Переливала по капле, задерживая дыхание. Ни она, ни Зоя не знали, кого при этом спасли и кого утопили.

Нож так и остался на зеркале.

Когда солнце ушло с кухонного окна, в городе зажглись огни.

Зоя медленно подняла ладонь ко рту. Борис выпрямился, у него щёлкнула спина. Вера смотрела на улицы, которые она утром разрезала пополам. Теперь они светились. На краю гавани горело несколько особенно ярких точек. Одна двигалась рывками, останавливаясь через равные промежутки.

— Фары? — спросил Борис.

— Не знаю.

Они погасили электричество.

В темноте стало видно, что огней много. Гораздо больше, чем могло вместиться в грушу. Часть скрывалась за изгибом, который Вера принимала за семенную камеру. Она наклонилась, и огни ушли ещё дальше, точно отражения в двух зеркалах.

— Завтра придёт Дина, — сказала Зоя.

Дина преподавала биологию и работала в лаборатории при техникуме. Вера хотела возразить, но слова не нашлись. Одних полотенец было недостаточно. Она нуждалась в том, кто сможет сказать, почему край разреза чернеет и можно ли это остановить.

В половине десятого позвонила Ася.

— Мам, ты что-то хотела?

Вера отошла в коридор. На вешалке висела старая Асина куртка, в которой та уехала поступать. Приезжая, дочь неизменно говорила, что пора её выбросить, но забрать с собой отказывалась.

— Я просто звонила.

— Ты как будто плачешь.

— Нет.

— Борис опять что-то разбил?

Вера закрыла глаза.

— Нет, Борис ничего не разбил.

Она спросила, поела ли Ася, и ненавидела себя за этот вопрос, потому что по голосу дочь сразу стала дальше. Ася ответила, что ей двадцать восемь. Потом сказала, что поела. Обе помолчали, занятые старой, хорошо знакомой неловкостью.

— Можно, я приеду в субботу? — спросила дочь.

— Приезжай.

— Ты уверена?

Вера посмотрела в кухню. За столом сидели двое людей, которых она знала почти всю жизнь. Они склонились над блюдом, и их лица были освещены снизу едва заметным чужим городом.

— Да, — ответила Вера. — Приезжай, пожалуйста.

Она вернулась к столу и увидела, что движущийся огонь остановился.

Он вспыхнул трижды.

Погас.

Вспыхнул трижды снова.

Вера взяла фонарик из ящика, проверила, не нагревается ли стекло, и прикрыла его платком. Потом ответила.

Раз. Другой. Третий.
Борис отвёл глаза и произнёс почти сердито:
— Ты им хоть не обещай ничего.

4 Люди на краю

На третьи сутки после Рассечения Тала нашла Лиора в мастерской весовщика.

Он снимал латунные зеркала с разбитого сигнального устройства. За три дня успел обойти все места, где могли оказаться Сэна с дочерью: больницы, пристани, временные кухни, церковь на холме. Люди там каждый раз спрашивали, какого возраста ребёнок и во что одета женщина. В первый день он отвечал подробно. Во второй начал показывать отметку на дверном косяке: вот такого роста девочка. В третий понял, что отмечает рост Ины на каждом новом косяке. В городе оставались десятки коротких царапин, сделанных его ножом.

Тала молча положила рядом с ним свёрток. Внутри лежали хлеб, варёное яйцо и полоска чёрной ткани.

— Что это?

— На рукав. Завтра будут поминать.

Лиор отодвинул ткань.

— Я их не нашёл.

— Поэтому никто тебя не заставляет.

Она взяла свёрток обратно, оставив еду. Он хотел поблагодарить, но она уже рассматривала зеркала.

— Для чего?

— Там кто-то есть.

— У всех теперь там кто-то есть.

— Над нами.

Тала присела на край верстака. Правая нога у неё распухла; она расстегнула сапог, обнажив синюю лодыжку. Лиор впервые заметил, что всё это время она ходила, не сгибая ступни.

— Знаю, — ответила она.

— Ты видела?

— Видела. А ещё я видела руку. Она положила на нас дерево. Забрала двух человек. Потом вернула. Один из них умер у меня на палубе. Второй сейчас у лекаря.

Лиор поднял голову.

— Он разговаривает?

— Ему вывернуло обе кисти. Разговаривает он много. В основном о кистях.

Выжившего звали Орн. До Рассечения он возил уголь, после оказался в воде и ухватился за сломанную шлюпку. Он рассказал, как сверху спустилась круглая белая скала. Она нависла над ним, закрыв небо, потом отступила. Позже появилось дерево, чья древесина была светлее обнажённых костей. По нему удалось добраться до берега.

— Они хотят нас вытащить, — сказал Лиор.

Орн посмотрел на него с отвращением.

— Пусть сначала вернут море.

Он отказался повторять рассказ. Лекарь выгнал посетителей, потому что у больного началась лихорадка.

Они с Талой пошли в обсерваторию. Она уцелела, хотя гора под ней разломилась посередине, и половина ступеней висела над пропастью. Старик Ивас всё ещё следил за звёздами. Увидев Лиора, он прежде всего потребовал, чтобы тот не трогал дверную ручку: в ней застрял фрагмент прежнего неба.

Лиор всё-таки потрогал. Ручка была холодная.

— Извините, — сказал он.

— Все вы сначала трогаете.

В круглом зале сидела девушка с коротко обрезанными волосами. Она чертила карту. На полу лежали листы, скреплённые полосками ткани. Возле каждого края стояли тарелки с водой, чтобы бумага не скручивалась.

— Мира, — представилась девушка. — Картограф. Если пришли сказать, что карты больше не нужны, вон дверь.

Лиор показал ей зеркала.

Мира перестала чертить.

До вечера они пробовали отражать в небо свет горящего магния. Ивас ворчал, что за одно такое испытание сожжено больше материала, чем выделялось обсерватории на месяц. Тала добывала магний с корабельных аварийных огней и отвечала, что теперь у него совершенно новый бюджет.

Первая вспышка осветила выпуклую серую поверхность над морем.

Вторая выявила на ней длинные тёмные борозды.

После третьей свет над ними исчез.

Лиор стоял у прибора и ждал. Рядом Мира придерживала стойку. Оба ещё не понимали, как долго ждать ответа. Небо могло наблюдать за ними так же, как человек за муравьями: не замечая ни отдельных существ, ни их намерений.

Потом сверху пришли три вспышки.

Они были слабыми. Похожими на зарево далёкого пожара. Свет ложился на город и уходил, каждый раз удерживаясь чуть дольше.

Тала выругалась. Старик Ивас начал тихо плакать.

Лиор возненавидел его за эти слёзы. Ему самому тоже хотелось плакать, и это было предательством. Он стоял перед существом, лишившим его семьи, и испытывал облегчение: существо заметило их. Через несколько мгновений ему захотелось, чтобы свет повторился. Он уже ждал внимания своего врага.

Мира зажгла следующую полоску.

— Два, — сказала она. — Проверим, считает ли.

Они подали две вспышки и получили две в ответ.

Тогда Лиор закрыл зеркало ладонью.

— Не надо благодарить, — произнёс он.

Никто не ответил. Никто и не собирался благодарить. Мира убрала его руку и продолжила работать.

5 Холодильник

Дина приехала с микроскопом, сумкой продуктов и мужем.

Муж довёз её до калитки, выгрузил всё на траву и спросил, когда забирать. Дина ответила: вечером. Он сразу понял по её голосу, что это не точно, но спорить не стал.

Первые пятнадцать минут она говорила очень уверенно. Расспрашивала, где сорван плод, чем вымыли нож, не внесли ли в сад новые удобрения. Потом посмотрела в лупу. Продукты остались в сумке, и к обеду молоко скисло.

Дина сделала двадцать семь фотографий. На первых пяти был её палец. Остальные показывали грушу в блюде: тёмный разрез, мокрые полотенца, узкую полоску не то тени, не то плесени. Ни на одном снимке не было видно города.

Она посмотрела прямо на плод и снова увидела гавань.

Сделала ещё снимок.

На экране появился город.

Дина убрала телефон.

— Так, — сказала она. — Я сейчас похожу.

Она прошла через сад до самого забора, постояла там и вернулась. На ботинке у неё прилипло что-то жёлтое. Увидев это, Дина застыла. Вера принесла таз, щётку и воды. Они смывали мякоть с подошвы, стараясь не уронить ни кусочка. В тазу не появилось ничего живого. Обе всё равно не решались его вылить.

К полудню в доме заняты оказались все прозрачные сосуды.

Борис достал аквариум, в котором Ася когда-то держала двух золотых рыбок. Тщательно вымыл его без мыла. Зоя требовала стерильности, Дина требовала не уничтожать неизвестную среду, и впервые за всё утро Вере стало немного легче: они спорили как обычные люди.

— Мы их в банке угробим, — сказал Борис.

— А на клеёнке, по-твоему, лучше? — спросила Зоя.

— Поставьте на стол, — велела Вера. — Пока рядом.

Они договорились сначала ничего не переносить. Над блюдом закрепили прозрачную крышку с отверстиями. В отверстия вставили тонкие трубочки, и Дина проверила, не создаёт ли движение воздуха сквозняка. На блюде лежали две половины груши. У левой её обращённая внутрь поверхность была матовой, почти обычной. В правой при определённом наклоне головы можно было увидеть далёкий склон, огни и тёмное море. Половины, выскользнувшие вчера из Вериных рук, застыли под разными углами.

— Их надо соединить, — сказала Вера.

— Пока нельзя, — ответила Дина.

Она произнесла это без уверенности, но Вера уже ждала именно такого запрета. Что ещё ей оставалось делать с двумя половинами, кроме как пытаться сложить их обратно?

Под микроскопом мякоть оставалась мякотью. Дина показывала клеточные стенки. Указывала на повреждения, на скопления сока. Она вынула препарат, посмотрела в разрез и увидела дым над гаванью. Снова взглянула в окуляр. Потом сама пересела на Зоин табурет.

— Я не понимаю, что измеряю.

До этого Вера ждала от неё объяснения. Теперь ей стало жалко Дину, которая привезла своё лучшее оборудование и была вынуждена извиняться перед ним.

В комнате становилось жарко. Снаружи поднялся ветер, с дерева упали ещё две груши. Борис каждый раз выходил и накрывал их перевёрнутыми ящиками. Вера видела в окно, как он переступает через траву. Когда-то Борис наступил на птенца, выпавшего из гнезда; после этого несколько дней не подходил к старой яблоне. Теперь вся земля приобрела для него тот же вид.

Дина предложила понизить температуру.

Аквариум всё-таки перенесли к холодильнику. На нижнюю полку положили термометр. Он показал шесть градусов. Потом восемь, когда Дина подкрутила регулятор. Она объясняла, что холод замедлит разрушение тканей; произнося «тканей», оглядывалась на Веру.

— Ненадолго, — сказала она. — Мы будем смотреть.

Вера держала блюдо, пока Борис убирал из холодильника банки. Освободили две полки. Кусок масла завернули в полотенце. Когда блюдо поставили внутрь, город исчез из виду.

Они открыли дверцу.

Город появился снова.

Над гаванью шёл снег.

Сначала Вера приняла белое движение за пепел. Потом увидела, как темнеют паруса, как на воде образуются светлые островки. В гавани мигали огни. Они не повторяли ни вчерашних троек, ни утренних двоек. Вспышки следовали одна за другой, слишком быстро для её глаза.

— Вынимаем.

— Вера, подожди…

— Вынимаем сейчас.

Дина отступила. Вера перенесла блюдо на стол. Огоньки продолжали мигать. Где-то у самого берега завалилась высокая тонкая конструкция. Она ломалась очень медленно, и Вера успела понять, что видит обрушение, раньше, чем оно закончилось.

Дина взяла блокнот. Записала время. Зачеркнула. Сняла очки и села рядом с Верой.

— Девять минут, — сказала она.

Борис захлопнул холодильник. На его дверце висела магнитная карточка с телефоном доставки еды. Он сорвал её и положил изображением вниз.

Они сидели вокруг блюда до тех пор, пока снег не прекратился.

Позже Зоя всё-таки разогрела суп. Ели в коридоре, из чашек. Вера не смогла заставить себя сесть за кухонный стол с ложкой.

6 Пять зим

Снег пришёл сразу с четырёх сторон.

Лиор видел, как падают первые хлопья, но не чувствовал холода. Он стоял на сигнальной площадке в расстёгнутой куртке. За его спиной рабочие пытались поднять складскую балку, рухнувшую ещё во время Рассечения. Тала кричала на них, чтобы не лезли под груз. Потом один из рабочих остановился и показал на горы.

Кручи исчезли в белой полосе.

Обсерватория находилась ближе к морю, чем горные посёлки, и снег добрался до неё позже. Лиор успел занести внутрь зеркала. Мира схватила карты. Ивас, увидев первый лёд на ступенях, прижал к груди журнал наблюдений. В нём были записи за сорок семь лет. Он нёс их так, словно в зале находились хищники.

На берегу снег растаял почти сразу.

В глубине страны он остался.

Через неделю в город пришли первые беженцы. Их вели по заметённой дороге люди, завернувшие лица в мешковину. Женщина несла пустую птичью клетку. Лиор подошёл помочь, увидел внутри замёрзший комочек и отступил. Женщина решила, что он боится заражения, и стала уверять: птица здорова, просто уснула.

Беженцы говорили о второй зиме.

Лиор переспросил.

Пожилой мужчина с воспалёнными глазами ответил, что первая выморозила озимые, а вторую они решили не ждать. Они ушли из деревни, когда на реке опять встал лёд.

— Снег пошёл девять дней назад, — сказала Мира.

Мужчина заплакал от злости. Он начал перечислять умерших. При каждом имени указывал, кому человек приходился родственником, словно готовился предъявить доказательства самой зимы.

Они провели его в обсерваторию.

Ивас выслушал, долго разглядывал руки гостя, потом велел Мире принести карту. Ту самую, на которой едва успели отметить трещины после Рассечения.

— Куда вы ходили? Покажите по дням.

Мужчина водил пальцем от гор к морю. После каждого перехода Мира ставила отметку. Получалось, что он шёл одиннадцать месяцев. За это время прибрежные часы отсчитали десять суток.

В следующие дни вернулись ещё трое. У всех время шло по-разному. Торговец, ушедший на восток за солью, нашёл жену умирающей от старости; когда он вышел обратно к морю, седина появилась и в его бороде. Девочка, отправленная в школу к тётке, вернулась женщиной. Она держала за руку своего ребёнка и никак не могла поверить, что мать всё ещё ждёт её к ужину.

Лиор сперва решил, что виноваты дороги. Они с Мирой поставили четыре одинаковых часовых механизма вдоль берега, а пятый отнесли на восточный склон. На рассвете зажгли прибрежный сигнальный огонь. К тому времени, когда он погас, на склоне прошло три дня.

Маятники остались целыми.

Лиор разобрал пятый механизм, проверил ось, заново отмерил длину подвеса. Всё было исправно. Он сидел перед ним до ночи, ожидая, что найдёт ошибку в собственной работе. Ошибка была бы великолепным, почти счастливым открытием.

Наутро Мира сказала:

— Надо ещё дальше.

— Там замёрзнем.

— Если останемся, не узнаем.

Тала достала лошадей. На прощание велела вернуться к вечеру и осеклась. Потом стянула с пальца кольцо и дала Мире.

— Покажи мне, когда вернёшься. Чтобы я сразу поняла, кто ты.

Они ехали по дороге, на которой Лиор бывал десятки раз. За последним складом воздух начал уплотняться. Деревья всё чаще качались без ветра; на одной ветке успевали распуститься листья, пока на соседней ещё держался снег. У постоялого двора им навстречу вышел мальчик, узнал Мирину лошадь и позвал отца. Отец пришёл с костылём. Мира смотрела на него слишком долго.

Лиор спросил, знакомы ли они.

— Это мой брат.

Брат обнял её и сказал, что похоронил мать два года назад.

Мира заехала во двор. Слезла, привязала лошадь, попросила воды. Лиор остался у калитки. Он видел, как она умывается над лоханью, очень тщательно, захватывая шею. Брат стоял рядом, опираясь на костыль. Оба молчали.

В доме Мира пробыла меньше часа по своим часам. К тому времени, когда они двинулись обратно, в её волосах появилась широкая белая прядь.

Лиор заметил её только на берегу.

Мира показала Тале кольцо. Тала не рассмеялась. Она посмотрела на волосы, потом вывернула карманы куртки в поисках гребня. Гребня у неё не оказалось. Мира сказала, что ей не надо, и обе отвернулись.

У костра Ивас выслушал их отчёт.

Он чертил на песке концентрические линии. Ближе всего к морю время ещё поддавалось сравнению с небесным. За первой линией ускорялось. За следующими делалось непригодным для сравнения. Холод изменил даже прибрежные часы; Ивас не знал, останутся ли проведённые им границы на прежних местах к утру. Они жили у раны, и рана удерживала их рядом с тем, кто её нанёс. Там, где прежде тянулись дороги, теперь лежали чужие жизни, способные закончиться прежде, чем путник доберётся до их ворот.

— Если вернуться домой, — сказала Мира, — можно не успеть вернуться сюда.

Ивас кивнул.

— Если остаться здесь, можно не успеть домой, — добавила она.

На это старик не ответил.

Лиор дотронулся до бороды. Она стала жёсткой, незнакомой. Пока он ездил к горам, над городом висело то же огромное лицо. Женщина казалась такой же, как прежде. В уголке её глаза блестела влага.

Он поднял зеркало и подал сигнал, обозначавший число пять. Столько зим, если верить брату Миры, прошло на перевале со времени Рассечения.

Сверху ответили пятью вспышками.

Лиор упал на колени. Он ненавидел эту правильность. Хотел, чтобы она хоть один раз ошиблась и тем самым показала: ей тоже чего-нибудь не хватает, она тоже находится под небом, которого не может понять.

7 Слова для тёплой воды

После холодильника Вера отнесла на веранду все ножи.

Дина сказала, что это ничего не изменит. Изменило: на кухне стало легче двигаться. Вера больше не хваталась за край стола, увидев знакомый блеск. Зоя принесла хлеб уже нарезанным. Овощи для супа чистили в летней кухне, за стеной. Даже Борис, который поначалу бурчал, что они ведут себя как дети, спускался во двор, когда ему требовалось заточить карандаш.

Над блюдом закрепили лампу холодного света. Её держатель раньше служил для прививок. Борис приспособил три зажима и обещал купить настоящую лабораторную стойку, как только станет ясно, где её продают. Под лампой город был виден лучше. По краям темнела тонкая кайма. Вера каждые полчаса измеряла её на фотографии и всякий раз немного меняла наклон телефона, отчего сравнивать снимки оказывалось невозможно.

Дина показала ей, как поставить метки.

— Это растёт? — спросила Вера.

Дина не успела ответить.

— Только не говори пока, что рано судить.

— Растёт, — сказала Дина.

Они опустили прозрачный колпак. Внутри на стекле выступили мелкие капли. Через четверть часа снизу начались сигналы. Вспышки шли попарно, с долгим перерывом. Вера ответила тем же.

Вспышки повторились.

— Он нам что-то сообщает, — сказала Зоя.

— Мы ему тоже.

Вера положила фонарик. До этого момента обмен светом представлялся ей разговором. Теперь она поняла, что они могли все эти дни повторять друг другу просьбу прекратить.

Дина принесла бумагу. Нарисовала круг, рядом два круга, потом три. Борис держал лист над блюдом. Снизу через некоторое время ответили одной вспышкой, потом двумя и тремя.

Следующий лист они составили из чёрного и белого квадратов. Вера поочерёдно освещала их. Зоя делала пометки. Дина измеряла длительность ответа. Они работали до ночи и смогли установить только одно: внизу тоже пытались научиться.

Утром там появилась площадка.

Её расчистили возле высокого здания с круглой крышей. На площадке разложили белые полосы. Через лупу Вера различила повторяющийся знак: короткую линию, над которой стояли три точки.

Она перерисовала его на бумагу.

Показала вниз.

На площадке замигал свет. Вера прочла в этом одобрение и тут же испугалась собственной догадливости. Люди ведь могли возражать.

Дина предложила показывать вещи.

Они показали ложку. Зеркало. Лист груши. Для каждого предмета внизу выкладывали новый знак. На их глазах возникал словарь, в котором пока отсутствовали все необходимые слова. Они могли показать воду, но не могли спросить, нужна ли она. Могли показать лист, но не могли объяснить, что такое дерево. Не знали, обозначает ли чужой знак сам предмет, его размер, угрозу или имя существа, державшего предмет.

Борис предложил нарисовать человека.

Нарисовал. Посмотрел на результат и добавил руки.

Зоя отобрала карандаш.

Долгое время с человечком ничего не происходило. Потом внизу появились две фигуры. Между ними лежала чёрная полоса. Одна фигура была перечёркнута.

Все замолчали.

Вера подняла глаза на Дину.

— Что мне делать?

Дина рассматривала знак и всё время поправляла очки.

Вера взяла карандаш, нарисовала свою ладонь. Рядом — грушу до разреза. Потом нож. Карандаш перестал писать; пришлось сильнее надавить. Она выронила его, подняла, снова выронила. Внизу двигались люди. Там уже ждали следующий лист.

Она нарисовала две половины.

Потом поставила между ними ладонь и зачеркнула нож.

Борис повернулся к двери. Зоя сидела очень прямо, не касаясь спинки стула. Дина прижимала пальцы к губам.

Вера держала бумагу над блюдом.

Снизу долго не отвечали. В какой-то момент она начала опускать лист, но на площадке появился человек. Её лупа была недостаточно сильной, чтобы различить его лицо. Человек подошёл к белому знаку и ногами разбросал полосы.

Потом он поднял голову.

Вера поняла, что он смотрит на неё.

Она не смогла отвести глаз. Ей хотелось объяснить, как всё произошло. Показать завтрак, утро, пустую кухню. Сказать, что она не знала. Но нарисованные половины оставались половинами, нож — ножом, а у человека внизу были причины стоять на разрушенной площадке, которых она ещё не могла назвать.

Она положила лист перед собой и накрыла ладонями.

Вечером Вера попыталась поесть яйцо. Постучала скорлупой о край тарелки, расколола и вдруг закрыла обе половинки обратно.

Зоя забрала яйцо. Села напротив и съела его, не торопясь. Потом сварила ещё одно и поставила перед сестрой.

— Поешь, — сказала она.

Вера смотрела на целую белую скорлупу.

— Откуда ты знаешь?

Зоя не спросила, о чём она. Несколько минут они сидели молча. Потом сестра ответила:

— Не знаю.

Вера всё-таки съела яйцо. Вкус был обыкновенный. Она не почувствовала облегчения и подумала, что теперь ей предстоит научиться жить также и с этим.

8 Имя над морем

Лиор разорвал бумагу, которую Мира только что принесла из типографии.

Бумага была дорогой. После Рассечения её собирали по уцелевшим лавкам; чистые обороты торговых книг шли на карты, старые афиши — на извещения о пропавших. Мира остановилась в дверях, посмотрела на обрывки и ничего не сказала.

Это заставило его рассердиться сильнее.

— Ты видела, что она нам показала?

— Видела.

— Она знала, куда режет.

— Этого мы не знаем.

— А что мы вообще знаем?

Мира опустилась на корточки. Собрала бумагу и начала разглаживать её на столе. На обрезке ещё помещалось одно слово, если писать тесно. Она вырезала ровный прямоугольник и отложила.

Лиор сел на подоконник. Отсюда был виден бывший рынок. Там разбили палатки. Дети играли между развалинами в Рассечение: делились на две команды, одна поднимала руки, другая падала. Взрослые сначала пытались их останавливать, потом перестали. Иногда в игру вступал ребёнок, которого до этого не видели несколько дней; в этом случае все радовались, даже если ему доставалась роль мёртвого.

— Может быть, это признание, — сказала Мира.

Он не ответил.

— Если она нас слышит, нам нужно выпросить тепло для перевала.

— Не «выпросить».

— Как тебе угодно. Люди всё равно замерзают.

Лиор оттолкнулся от подоконника. Ему хотелось уйти. Ивас велел не покидать прибрежную полосу без необходимости, но он всё чаще думал о дороге в горы. Там можно было состариться до вечера, и хотя бы эта часть событий не зависела бы от его решений.

Мира вынула из кармана половину сухаря.

— Съешь, — сказала она.

Он рассмеялся. Смех вышел неприятный. Мира не убрала руку, и ему пришлось взять сухарь, чтобы она перестала так стоять.

В обсерваторию пришла женщина с ребёнком. Мальчик перестал говорить после того, как море ушло. Он был цел, лекарь не находил повреждений, но ребёнок целыми днями стоял у дверей и смотрел вверх. Мать спросила, можно ли показать его небу.

Лиор открыл рот. Мира наступила ему на ногу.

Они вывели мальчика на площадку. Сверху как раз опускался светлый лист. На нём были нарисованы рука и дерево. Мальчик прижался к матери. Потом помахал рукой. Мать тоже подняла свою — отчаянно, неловко, будто ей было стыдно просить о чём-то при свидетелях.

Глаз над морем приблизился.

Мальчик спрятал лицо в её платье.

Мать заплакала и всё продолжала махать. Она спрашивала, сколько нужно ждать. Мира объяснила, что пока они умеют передавать лишь изображения. Женщина решила, что это требование принести портрет, и пообещала найти художника. Лиор отвернулся.

Когда посетители ушли, он сказал:

— Больше никого.

Мира села на ступеньку и обхватила колени.

— А ты скажи им сам. Каждому. Я больше не могу.

Вечером на небе возникли четыре знака.

Они отличались от прежних рисунков. Один напоминал закрытые ворота, другой — гребень, третий — обломанный стол. Существо указало на себя. Повторило движение. Потом тот же набор появился рядом с изображением женщины.

Мира переписала знаки.

— Похоже на имя.

Лиор сидел у зеркал и не шевелился.

Мира пошла к нему и протянула карандаш.

— Твоё?

Он посмотрел на неё.

— Ты так уверена, что ей следует его знать?

— А твоё имя что-нибудь ей позволит?

Лиор взял карандаш. Начал писать. Первая буква вышла слишком маленькой. Он зачеркнул её, перевернул бумагу, написал снова. Лиор. Имя, которым его звала Сэна, когда он делал вид, что не слышит её с лестницы. Имя на табличке у двери мастерской. Он прежде не замечал, как много мест оно занимало в его жизни. Теперь все эти места приходилось отдавать вверх вместе с несколькими линиями.

Он отнёс лист на площадку.

Внизу, возле перевёрнутой лодки, стоял Орн. Кисти были обмотаны грязной тканью. Он увидел имя, шагнул ближе.

— Что получим?

— Пока ничего, — сказал Лиор.

Орн сплюнул.

— Тогда назовись богаче.

Лиор вернулся в обсерваторию. Лёг на матрас и закрыл глаза. Среди ночи проснулся от вспышек. Над морем висело его имя, написанное криво, с лишней чертой в третьей букве.

Он принёс зеркало. Показал на лишнюю черту, сам не понимая, как это передать. Сверху опустился другой лист. Теперь имя было написано правильно.

Лиор стоял у прибора, сжимая холодную раму.

Где-то под ненужной злостью, под воспоминанием о зелёном платье, под страхом, что никогда не узнает, как именно умерла дочь, появилось чувство, которого он не хотел. Кто-то громадный потратил время на то, чтобы правильно написать его имя.

Он сел на землю. Вдалеке море обнажало камни. Над ними шевелилась огромная тень, и он впервые заметил, как медленно она двигается. Существу там, наверху, тоже приходилось ждать.

9 Дочь

Ася приехала в субботу и первым делом сказала, что в доме пахнет грушами.

Она привезла кофе, свежие простыни и рулон бумажных полотенец. Полотенца положила на тумбу в коридоре. Кофе взяла с собой на кухню. Вера встала на пороге, загораживая проход.

— Только спокойно, — сказала она.

Ася перестала снимать куртку.

— Кто умер?

Вера поняла, что не умеет отвечать на этот вопрос.

Дочь отодвинула её и вошла. В кухне за столом сидела Дина. За её спиной, опустив голову на спинку стула, спала Зоя. Борис менял воду в тазу, где лежали остатки мякоти с Дининого ботинка. Он обернулся, поздоровался, чуть не выронил таз и страшно на себя рассердился.

Ася поставила пакет с кофе на холодильник.

— Покажите.

Вера не успела удивиться тому, как дочь выбрала именно это слово. Потом поняла: Ася решила, что случилось с растениями. Её мать могла стоять на пороге с таким лицом и из-за заражённого подвоя.

Вера подвела её к блюду.

Она ожидала крика. Или отступления. Или хотя бы длинного молчания. Ася смотрела около минуты, потом спросила, что лежит на зеркале.

— Нож, — ответила Вера.

— Я вижу. На нём что?

— Там тоже были люди.

— Были?

— Ушли. Мы сделали мостик.

Ася села. Сняла куртку, вывернув рукав. Вера взяла её и повесила в коридоре, рядом со старой. Две куртки, между которыми прошло почти десять лет, соприкоснулись плечами.

Дина рассказывала дочери всё с начала. Она говорила чётко, в основном о том, что пробовали и чего больше не будут делать. К холодильнику не подошла. Ася посмотрела на него сама. Вера принесла чай. На блюдце лежало печенье, но его почему-то стало невозможно предлагать.

— Кому ещё сказали? — спросила дочь.

— Никому.

— Совсем?

— Дина сказала мужу, что задержится.

Ася вынула телефон и положила рядом с собой экраном вниз.

— Я сняла, — произнесла она. — Только что.

Вера почувствовала, как напряглась Зоя, проснувшаяся несколько минут назад.

— Я никуда не отправляла, мам. Но это надо сохранить.

— Зачем?

— Чтобы потом не спорить, что было сначала.

Дина кивнула. Вера не могла понять, почему её испугало именно согласие. Все эти дни она пыталась удержать случившееся на кухне. Теперь дочь произнесла слово «потом», и у кухни появились стены, за которыми жили другие люди.

После обеда Ася разобрала настольную лампу. Она работала в мебельной мастерской и умела делать из чужих покупок вещи, которые человеку на самом деле требовались. Сняла нагревающийся плафон, закрепила холодный светодиод на стойке, заклеила часть изолентой.

Телефон установила так, чтобы рисовать на экране и показывать изображение вниз, не держа его в руках.

— Им нас надо видеть целиком? — спросила она.

Дина не знала. Они проверили положение. Внизу вспыхнул сигнал: три коротких, один длинный. Вера достала тетрадь. Напротив сигнала стояло «повтори?» с двумя вопросительными знаками.

Ася нарисовала на экране человечка. Подвинула его. Показала то же изображение с другой стороны. Внизу задвигались люди. Позже появилась большая фигура с поднятой рукой.

— Вот, — сказала дочь. — Так им видно.

Вера села у окна.

Ася сразу заметила, что случилось.

— Что?

— Ничего.

— Мам.

— Я эти листы держала часами. А ты только приехала.

Ася осталась возле лампы. Полоска изоленты прилипла к пальцу, и она долго её снимала, аккуратно, словно от этого зависел ответ.

— Я и раньше могла приезжать, — сказала она.

Зоя позвала Бориса во двор. Дина поднялась за ними, прихватив пустую чашку. Вера хотела сказать, чтобы они не уходили, но осталась сидеть.

— При чём здесь это?

Ася всё ещё возилась с изолентой.

— Ни при чём. Ты сама сказала.

За окном треснула ветка. Борис коротко выругался и тут же понизил голос. Вера разглядывала дочь. Волосы собраны иначе, чем при прошлой встрече. Подбородок стал резче. На большом пальце свежий ожог. Она могла спросить, как это получилось, но тогда Ася решила бы, что мать уходит от разговора.

— У тебя работа, — сказала Вера. — Тебе здесь скучно.

— Я приезжала к тебе.

Ася наконец избавилась от липкой полоски. Посмотрела на мать почти с любопытством, ожидая, что та ответит.

Вера не ответила. Долгое время ей казалось заботой предоставлять дочери свободу. Не звонить лишний раз, не просить о приезде, не показывать, что в доме осталось больше комнат, чем нужно одному человеку. Она любила за неё решать, от чего Асе станет легче. Теперь это было невозможно объяснить так, чтобы забота не прозвучала как оправдание.

— Ты можешь остаться? — спросила Вера.

— До понедельника.

Вера кивнула.

Ася вернулась к лампе. Показала в небо новый рисунок — лицо с двумя раскрытыми глазами. Снизу ответили почти сразу. Под рисунком появилось имя.

— Кто это? — спросила Ася.

— Лиор.

— Это он всё время мигает?

Вера почувствовала неожиданную ревность и испугалась её сильнее всего, что дочь сказала за день.

— Там много людей, — ответила она.

— Я вижу.

Ася села у блюда. Впервые за много лет Вера смотрела, как дочь учится чему-то рядом с ней. Ей хотелось поправить положение лампы, подсказать значение вспышки. Она удержала руки на коленях.

10 Чёрный рукав

Даро появился на двадцать первый прибрежный день.

Его привезли на телеге вместе с двумя сломанными воротами. Он сам настоял, чтобы ворота не выбрасывали: древесина сохранилась хорошая, кому-нибудь ещё пригодится. Возчик ругался, потому что за каждую лишнюю остановку с него требовали новую плату. Даро пытался объяснить, что до Рассечения деньги лежали у него дома. Ему не верили.

Лиор узнал его по голосу. Они жили в одном переулке. Даро торговал льняным полотном, держал трёх собак и каждое утро выгонял их на улицу раньше, чем открывал глаза. Ина любила одну собаку, рыжую, и тайком выносила ей хлеб. Сэна ругалась: хлеб был дорогой, собака толстая. Даро делал вид, что не знает об угощении.

Лиор вытащил его из телеги и обнял.

Тело под грязной курткой оказалось удивительно лёгким.

Даро заплакал, увидев его. Лиор подхватил под локоть, отвёл к стене. Вопрос уже стоял у него во рту, огромный, непроизносимый. За три недели он спрашивал о Сэне столько раз, что губы должны были выговаривать её имя сами. Теперь не выговаривали.

Даро всё понял.

Он сел на землю и начал снимать сапог. Долго возился с голенищем. Носок снялся вместе с кожей. Лиор не чувствовал запаха. Он видел только, что соседу требуется время.

— Я был у вас, — сказал Даро.

Слова прозвучали слишком буднично. Лиор вцепился пальцами в край телеги.

— Когда?

— Когда это началось. Сэна попросила помочь спустить сундук. Я сказал, потом. Собак не мог найти. Они все разбежались. И эта ваша ступень…

Он замолчал.

— Что ступень?

Даро посмотрел на него. В глазах появился страх. Он уже успел понять, что Лиор будет узнавать всё по отдельности, пока у рассказа не кончатся подробности.

— Она сорвалась, когда дом повело. Я стоял внизу. Девочка упала на меня.

Лиор протянул руку. Не к Даро — мимо него, словно там можно было что-то подхватить.

— Ты её держал?

— Держал.

— Потом?

— Вода пошла. Я…

Даро закрыл лицо. Лиор отнял его руки. Сделал это спокойно; позже сосед говорил, что именно спокойствие испугало его сильнее всего.

— Потом?

— Я потерял её.

Лиор смотрел на чужие пальцы. Один был сломан и сросся набок. Пальцами можно было держать ребёнка. Можно было разжать их. Он не мог заставить себя перейти от одного к другому.

— Ты отпустил?

Даро кивнул.

— Я уходил под воду. Она зацепилась за мою куртку. Я не… Я бы тоже…

Лиор ударил его. Первый раз в лицо, второй в грудь. Даро не прикрывался. У телеги собралось несколько человек, но никто не вмешивался, пока Лиор не повалил его на землю. Тогда подошла Тала.

Она не стала оттаскивать. Встала между ними и положила сломанную ногу рядом с Даро.

— Ещё раз ударишь — попадёшь по мне.

Лиор отступил.

Ему казалось, что он не бил достаточно сильно. Боль в кисти была несоразмерна тому, что требовалось сделать. Он хотел вернуться, но Тала стояла, не отводя глаз. Тогда он пошёл к морю.

Сзади Даро крикнул:

— Я звал её! Потом я звал!

Лиор не обернулся.

Он спустился к воде, снял башмаки и вошёл по колено. После Рассечения берег изменился. Там, где прежде было глубоко, теперь лежала отмель. Водоросли цеплялись за голени, среди камней двигались крабы. Лиор зашёл дальше. Вода дошла до пояса, потом до груди. Он не умел плавать. В детстве ему не позволяли купаться в гавани, а позже стало стыдно учиться.

Он подумал о Даро под водой.

Прижал локти к бокам. Попытался представить вес маленького тела на своей куртке. Волна ударила в подбородок. Лиор захлебнулся, отступил на шаг и вдруг начал кашлять так сильно, что пришлось повернуться к берегу.

Обратно он шёл долго.

Он ненавидел Даро. От этого ничего не изменилось. Но теперь к ненависти примешивалось воспоминание о собственном шаге назад, сделанном раньше всякого рассуждения.

Вечером он нашёл соседа у лекаря. Даро лежал с закрытыми глазами. Под щекой расплылось тёмное пятно. Тала сидела рядом и резала грязный сапог, чтобы освободить опухшую ногу.

— Нужна горячая вода, — сказала она Лиору.

Он принёс воду.

Когда Даро попытался приподняться, Лиор положил руку ему на плечо и удержал. Прикосновение было почти нежным. Ему стало страшно от того, как мало оно значило. Даро всё равно боялся. Ина всё равно не вернулась.

— Сэна? — спросил он.

— Не видел, — прошептал Даро. — После того как дом… не видел.

Лиор кивнул. Помог Тале снять остатки сапога. Вымыл таз. На обратном пути зашёл в пустую мастерскую и отрезал полосу чёрной ткани.

Он не повязал её на рукав. Накрыл ею маленький ящик, в котором лежали его инструменты, и долго разглаживал ладонью складку.

11 Право остановить руку

На четвёртые сутки у Веры заболели зубы.

Сначала она подумала, что от холодного чая. К вечеру Зоя заметила, как сестра сидит, прижав пальцы к щеке, и велела открыть рот. Осмотрела, покачала головой. Вера скрипела зубами во сне. Она и раньше так делала в тревожные недели, перед заморозками или во время затяжного дождя, но теперь сон сделался коротким, а челюсть не успевала разжиматься.

Блюдо стояло под колпаком. За стеклом нарастала влага. У бурого края появился белый пушок.

Дина взяла пробу со снятого ещё в первый день обрывка кожицы. Ждала до утра. Под микроскопом выросли длинные ветвящиеся нити. Она не назвала вид: без дальнейших исследований определять его по картинке было бессмысленно. Но Вере хватило взгляда. Она столько раз видела такие нити в испорченном урожае, что рука сама потянулась за привычным рабочим журналом.

Изолировать. Удалить. Обработать.

Она перевернула страницу.

Дина предложила закрыть подсыхающий край тонкой плёнкой из нейтрального геля. Его можно было испытать на отделённом кусочке. Вера достала прививочные ленты, но отложила: они сдавливали ткани. Борис сделал деревянную рамку, удерживавшую две половины без нажима. Левую установили под тем же углом, что правую. Разрезы приблизились. Внизу начались толчки.

Вера остановила Бориса за запястье.

— Не двигай.

Он застыл. Они подождали. Толчки прекратились. У самой границы теперь можно было видеть обломанную улицу, продолжение которой находилось на другой половине. Дома не совпадали. Между ними пропало пространство — какое, никто не мог определить. Приблизить края означало придвинуть каменные стены к жилым кварталам.

— Мы не можем просто сжать, — сказала Дина.

— Я и не сжимаю, — ответил Борис. — Я держу.

Они все говорили слишком громко. Ася повернула телефон экраном вниз и включила рисунок открытой ладони. Знак они использовали со вчерашнего дня: показывали его, прежде чем меняли освещение. Внизу начали выкладывать ответ. Лиор появился только через несколько минут. Он двигался медленнее обычного. Вера уже умела различать его по тому, как он останавливался возле зеркал, чуть наклоняя голову.

Рядом с ним положили знак руки.

Потом перечеркнули.

Вера указала на рамку. Показала рисунок белой каймы. Попыталась изобразить, как нити ползут к городу. Ася сняла рисунок, увеличила и разделила на последовательные кадры. После каждого ждала. За окном потемнело, на улице пошёл дождь. Борис стоял, опираясь грудью на край стола, и не выпускал рамку.

— Поставь зажимы, — сказала Вера.

— Тогда сдвинется.

— Боря…

— Не разговаривай со мной пока.

Внизу зажглись пять огней. Два погасли. Остались три.

Дина раскрыла тетрадь.

— Такого не было.

Снова пять. Два гаснут. Три остаются. Потом рисунок ноги. Вера подумала, что им нужно время уйти. Но сколько? Чего именно пять? Что означает исчезновение двух огней? Они могли так изображать количество погибших от предыдущего движения.

Борис попросил подложить полотенце под подбородок: пот капал со лба на стол. Зоя промокнула ему лицо.

Снизу поднялось большое чёрное полотно.

Лиор стоял перед ним один.

Вера велела всем отойти. Подвинула стул, села так, чтобы её лицо было над разрезом. Показала руку. Замерла. Опустила руку на несколько миллиметров.

Чёрное полотно качнулось.

Она остановилась.

Подняла руку.

Полотно опустили.

Она повторила. Внизу повторили тоже.

На четвёртый раз Вера впервые почувствовала, что они установили правило. Её ладонь дрожала. Она могла двигать всем небом над их головами, но остановить её теперь умели.

Процедуру проводили ночью. Дина наносила гель на внешний бурый край. Каждое прикосновение заранее показывали. Рамку перемещали на доли миллиметра. Когда снизу поднималось чёрное полотно, работу прекращали, даже если Вере казалось, что остановка хуже для ткани. Дважды приходилось снимать уже нанесённую плёнку. Один раз они ждали сорок минут. Борису принесли стул.

Под утро всё закончилось.

Груша лежала в деревянной опоре, собранная лишь настолько, чтобы края перестали подсыхать. Через оставленную щель были видны гавань и площадка перед обсерваторией. Белый пушок с наружной стороны убрали вместе с омертвевшим слоем. Что осталось внутри, Дина не знала.

Зоя записала в журнал время. Напротив слова «результат» оставила пустое место.

Ася уснула, сидя на полу у стены. Борис вышел на крыльцо, лёг на лавку и сразу захрапел. Дина всё ещё рассматривала снятую плёнку.

Вера не отходила от блюда. Внизу люди разбирали чёрное полотно. Один стоял неподвижно. Она подняла ладонь и помахала. Человек медленно поднял свою.

Ей очень хотелось принять это за прощение. Вера поймала себя на желании и снова опустила руку на колени.

12 Сад

Прежде чем снова открыть небо, Лиор перенёс зеркала.

Ивас возражал. По его мнению, обсерватория была лучшим местом для переговоров: рядом инструменты, часы, библиотека. Лиор велел разобрать установку и отвезти на нейтральную площадку возле порта. Там находились люди, которым не требовалось смотреть в приборы, чтобы знать, что случилось с морем.

В первый же час вокруг собрались сотни.

Кто-то принёс раненого. Кто-то — список пропавших. Один торговец хотел выяснить, будет ли восстановлен выход к устью, иначе его уголь отсыреет окончательно. Лиор устало смотрел на него и понимал, что уголь тоже нужен. В городе заканчивалось топливо. Отвращение к чужой деловитости не согревало больничные палаты.

Мира прикрепила к раме чёрное полотно.

— Кто будет решать, когда его поднимать? — спросила она.

— Тот, кому станет больно.

— А если другим нужно, чтобы продолжили?

Он затянул узел слишком сильно. Пришлось распускать.

— Тогда сначала остановим. Потом разберёмся.

Мира приняла ответ. Не потому, что он был хорош, — просто Лиор собирался отвечать за него сам.

Над гаванью показалась женщина.

Они теперь различали её всю, хотя одновременно увидеть лицо и руки оставалось трудно. Свет преломлялся по краям разреза. Части огромного тела оказывались рядом и далеко, не согласуясь с тем, что Лиор знал о расстояниях. Он зарисовывал положения, сравнивал и каждый раз получал новый результат. Будто сам взгляд участвовал в устройстве перехода.

Женщина показала дерево.

Сначала настоящий лист. Он закрыл почти половину неба: прозрачные жилы, бурое пятно у черенка, маленькая дыра, прогрызенная насекомым. Лиор увидел это отверстие и вдруг позавидовал твари, которая его оставила. Она могла запросто прогрызть предмет, для них имевший размер материка, и уйти, не подозревая о своём могуществе.

Потом женщина подняла ветку.

На ветке висел жёлтый предмет. Узкий сверху, расширявшийся к основанию. Лиор подумал, что это сосуд. Женщина указала на него, затем опустила руку к их небу. В гавани подняли чёрное полотно. Она остановилась, отодвинула ветку, показала рисунок.

Снова дерево. На нём десятки таких же предметов.

Рядом один предмет отдельно.

Рядом — он же, разделённый надвое.

Из половины вытекала синяя линия.

Лиор услышал, как Мира втянула воздух.

— Нет, — сказал Ивас.

Он произнёс это спокойно, почти вежливо, словно исправлял неверное число в чьём-то расчёте.

Женщина показывала последовательность снова. Указывала на жёлтый предмет и на разрез. Потом подняла пустую ладонь: ждала.

Лиор подошёл к карте. Вся их страна была на ней неправильной: после операции часть улиц придвинулась к гавани, в горах исчезло озеро, в одном районе за ночь прошли десятки лет. Но очертания большого западного побережья ещё сохранялись. Он провёл взглядом вдоль берега. Потом посмотрел вверх, на жёлтый предмет в чужой руке.

Мира уже чертила.

Она обвела карту новым контуром, длинным, сужающимся к северу. На стыке половин оставила разрыв. У северного края, где по старым преданиям стоял непроходимый каменный лес, обозначила короткий выступ.

Черенок.

Лиор сел прямо на брусчатку.

Рядом торговец продолжал спрашивать про устье. Кому-то стало плохо. Люди переговаривались, закрывая руками лица. Один мужчина рассмеялся — коротко, зло, — и Лиор подумал, что теперь такое можно будет услышать часто.

Ивас поднялся на перевёрнутую бочку.

Он начал объяснять, что они видят изображение оболочки. Что сходство формы не доказывает тождества. Что женщина, возможно, пользуется знаком, который не следует понимать буквально. Его речь была точной и разумной. Лиор отчаянно хотел, чтобы старик оказался прав.

Но Вера подняла перед ними новый лист.

На листе был нарисован дом. Возле дома — дерево. На ветке висел жёлтый мир. Под деревом лежали другие. Один распался, и вокруг него были нарисованы маленькие крылатые существа.

Орн протолкался к площадке.

— Спросите, где остальные, — сказал он.

Мира попыталась выяснить, о ком он говорит.

— Остальные! На ветках!

Лиор сам пошёл к листам. Изобразил пять жёлтых предметов. Указал на людей. Присоединил к каждому предмету человеческую фигурку. Над головой Веры прошла тень. Появилась другая женщина, моложе. Они обе смотрели вниз. Лиор увидел, как первая закрыла глаза.

Она не ответила сразу.

Кто-то из толпы спросил, что происходит. Лиор показал ему рисунок. Мужчина сел рядом и принялся разглаживать на колене старую карту. Разглаживал упорно, будто карту можно было вернуть в прежнюю форму и вместе с ней восстановить мир.

Над ними показалась открытая ладонь.

Потом рядом с человеческими фигурками Вера нарисовала знакомый знак: пустой круг с чертой сбоку. Его они согласовали накануне. Он обозначал то, чего она пока не знала.

Лиор долго смотрел на круг.

Наконец взял карандаш и дополнил свой рисунок. Нарисовал дерево целиком. Дом. Возле дома — огромную Веру, державшую ладонь над одним плодом. Под другими оставил пустое место. Подумал и добавил маленькие человеческие фигуры на земле.

Он не умел объяснить, чего просит. За пределами плода были сотни направлений, каждое могло оказаться губительным. Там не было ни их воды, ни их воздуха, ни времени, пригодного для их тел. Он знал это лучше большинства стоявших вокруг.

И всё-таки провёл линию от разреза наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.